
СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-179-196
УДК 821.161.1

К вопросу об авторстве стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...», или «Карлсбадский текст» в русской поэзии*

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация: В статье анализируется авторство стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...», распространявшегося в списках. Поддерживается версия о принадлежности этого шуточного произведения П.А. Вяземскому, что подтверждается новыми архивными фактами. Выявляются детали написания и распространения данного сочинения, его каламбурные подтексты; иллюстрируется контекст полемического диалога и культурный фон своеобразного «карлсбадского текста» в русской поэзии.

Ключевые слова: Карлсбад, русская поэзия, П.А. Вяземский, А.С. Голицын, атрибуция, архивные материалы.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д.ф.н., профессор Национального исследовательского Мордовского гос. университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru;

Дмитрий Николаевич Жаткин, профессор, заведующий кафедрой Пензенского государственного технологического университета, Пенза, Россия. E-mail: ivb40@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П.А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

А там когда-нибудь – когда мой путь увянет
 И мой портрет один останется по мне;
 Пусть ласковая мысль меня при нем помянет
 И мой отыщет след в Карлсбадской старине.
 (П.А. Вяземский. «Хотя с заочным поздравленьем...»)

Австрийский, а ныне чешский курорт Карлсбад (Карловы Вары), расположенный в живописном лесном ущелье, являлся в прошлом излюбленным местом отдыха и лечения западноевропейской и русской аристократии, освоенным в 1705 г. князем Б.И. Куракиным, а в 1711–1712 гг. и Петром I.

Данный топоним нашел отражение и в творчестве русских писателей¹, например, князя П.А. Вяземского, жившего здесь с женой, а иногда и с внучкой Е.П. Валуевой в 1852–1853 гг. и позже², оставившего дневниковые и поэтические следы своего пребывания в этом курортном месте: «Русской крылатой дружине» (сентябрь 1852), «Памятник Петру I-му в Карлсбаде» (23 апреля 1853), «Хотя с заочным поздравленьем...» (Прага, июль 1853 г.), «Карлсбад» (1858), «Очерки Карлсбада» (1858) и др.³

1

Грустные лирические ноты стареющей музыки князя Вяземского в стихотворениях карлсбадского «цикла», как и в других его произведениях зрелых лет, соседствуют с юмористическими, а нередко и озорными аккордами. Так, вспоминая о приезде в курортный город семейства Пашковых с их прелестными юными дочерьми⁴, он пишет: «Веселый круг счастливой молодежи, / Красавицы! Из свежих роз пригожий, / Живой венок! На празднике весны / Младые гости с ясной и беспечной / Улыбкою, с веселостью сердечной, / Порукою сер-

¹ См., напр.: Кишкин Л.С. П.А. Вяземский и Чехия // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 103–126; Он же. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М.: Наука, 1983; Он же. Чешские мотивы в русской литературе // Литературные связи славянских народов: исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С. 58–79.

² См.: Бондаренко В.В. Вяземский / 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 535, 551.

³ Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 4. С. 377–379; Т. 11. С. 42, 62, 302–307.

⁴ Ср. более позднюю запись, относящуюся к 1853 г.: «12–14 [июня]. Приехала Пашкова с своею крылатою дружиною, с своим мужем и сыном. Они из Парижа, а сын из Петербурга» (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56). Речь идет о семье флигель-адъютанта, директора Департамента внешней торговли М.В. Пашкова (1802–1863) и его жены М.Т. Пашковой, урожденной Барановой (1807–1887), у которых было 6 дочерей (Александра, Екатерина, Мария, Юлия, Леонилла, Ольга) и сын Николай. См.: Федорченко В.И. Свита российских императоров: В 2 кн. М.; Красноярск, 2005. Кн. 2: М–Я. С. 171; П.А. Вяземский: Неизвестный и забытый: Из поэтического наследия / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Д.М. Климова. СПб., 2013. С. 174–176, 548 (прим.).

дечной тишины! / Свободных птиц **крылатая дружина** (здесь и далее полужирный шрифт наш. – Н. В., Д. Ж.). / Младая стая светлых, милых снов, / Жизнь, радость, блеск, поэзия, картина, / Волшебный мир, мир песней, мир цветов! / Давно ль вы здесь играли шумно, пели / И позабыв, что их прошла пора, / Давно ль при вас здесь старцы молодежи / И нелюдимка, мрачная хандра, / Нечаянно и будто бы ошибкой, / Дружилась вновь с забытою улыбкой / И любовалась сквозь сумрак свой / На ваши игры, резвости и пляски, / На блеск лучей, на радужные краски, / Которыми сиял ваш легкий рой / И одевал действительность земную / В сон наяву, в поэзию живую?»; «И вас уж нет! **Карлсбад** осиротел; / Без вас **Карлсбад** замолкнул, опустел»; «Где вы теперь? Где празднуется младость, / Крылатых дней одушевленный Май?»; «А ваш **Карлсбад!** при вас живая сцена, / Где Петербург, Париж, Афины, Вена, / Берлин и Лондон, все на Русский лад / Вам вторили, – блестящий ваш **Карлсбад** / Теперь без вас вновь обращен в **больницу**, / Где, с грустью помня прежнее житье, / **Шлосбрунна** пьем **соленую водицу** / За здоровье и ваше, и свое» («Русской крылатой дружине»).

Позже карлсбадский *хронотоп* с его *полукарнавальной* суею снов навевал поэту грустные метафизические размышления о бренности жизни и превратностях дружбы: «Сегодня мы попутчики и братья, / А завтра нет его, или ея: / Друг другу чужды братские объятья / И каждого зовет тропа своя. // На том же месте новый мир встречая, / Других друзей отыщет наш привет / И спутник наш другой, или другая, / А об отставших и помина нет. // Назвать ли это благом иль несчастьем? / Но на водах такой уже обряд; / Когда ж вопрос рассмотришь с беспристрастьем / **И вся-то жизнь – не тот ли же Карлсбад?**» («Карлсбад»).

В трехчастных «Очерках Карлсбада» поэт описывает прелестные осенние пейзажи городка: «Увядающего года / Грустных признаков здесь нет: / Сберегла для нас природа / Лучших ласк своих привет. // День блистателен и жарок, / И тепла ночная тень; / Неба щедрого подарок / Нам на радость каждый день. // От подошвы до вершины / Зеленеют груды скал; / Между тополей рябины / Рассыпают свой коралл. // Кое-где из тени темной, / Ребра исполинских гор, / Камни толщею огромной / Перерезывают бор. // Быстрых вод веселым пенем / Пробуждая берега, / Тепла мчится по камням / Мимо скал и сквозь луга. // Всюду жизнь, очарованье! / И по воздуху разнес / Свежих трав благоуханье / Запоздалый сенокос». Анатомирует повседневную, рутинную курортную скуку: «Жизнь в **Карлсбаде** беззаботно / Льется тихим ручейком; / Прозабательно, животно, / **По-карлсбадски** здесь живем. // Друг на друга дни походят, / Отмечаешь их едва: / Ноги и желудок бродят, / Но не бродит голова. // Нет задач головоломных, / Места нет

трудам, борьбе; / Мысль в размерах самых скромных, / Молча, маятся в себе. // Тихо, бережно, piano⁵, / Нас баюкает покой; / Рано ляжешь, встанешь рано / И пойдешь на водопой. // Пьешь иль **Мюль-брун**, или **Шпрудель**: / Вот забота! а потом / Ты, как ласточка, иль пудель, / Не заботься ни о чем. // По вершинам рыщешь смело, / Если крылья есть у ног; / Нет – так Визу⁶ то и дело / Меришь вдоль и поперег⁷. // Вылитый в однообразность, / Здесь приносит каждый день / Поэтическую праздность, / Созерцательную лень». И, наконец, прощаясь с Карлсбадом, вспоминает, кажется, и о мимолетном курортном романе, сердечной привязанности: «Паровоз над темной бездной / Ночью мчится, как гроза, / А комета с тверди звездной / Прямо смотрит мне в глаза. // Два страшилища! пожаром / Рдеет та средь мирных звезд; / Здесь, клубясь огнем и паром, / Скачет наш ночной поезд. // Я лечу! но вдруг увлекся / Мыслью в милый мой **Карлсбад**, / Спать еще он не улегся, / Хоть он спать ложиться рад. // На мосту народ толпится, / Жадно смотрит в небеса, / Где космато золотится / Девы огненной коса. // Души зрителей волнуют / Суеверье, темный страх; / Все по-своему толкуют / Чудный очерк в небесах. // Но, не вслушиваясь в сказки, / И мечтая, и шутя, / Тут же черненькие глазки / Щурит милое дитя. // И красавица гадает / В любопытстве молодом: / Что ей небо обещает / В ярком знамени своем? // Что ей скажет год кометы? / Даст ли жизнь сердечным снам / И отгадку, и ответы / Сердца тайным голосам? // Эти черненькие глазки / Так умны и хороши, / В них так много детской ласки, / Вдохновенья и души, – // Что, любуясь в них рассвету / Упоительной зари, / Забываю про комету, / Как она там ни гори».

2

Лирические откровения Вяземского о великосветской курортной жизни, иногда слишком личные, чтобы стать эстетически общезначимыми, особенно в эпоху «шестидесятников», вызвали пародийную реакцию поэтов-«искровцев».

В.С. Курочкин в язвительной «рецензии» на сборник Вяземского «В дороге и дома» (М., 1862) высмеял почтенного автора: «Мы заранее знаем, что будем путешествовать с комфортом, как путешествуют люди хорошего тона. Сперва мы заглянем в Европу... [...] Повторяем: мы будем путешествовать как люди хорошего тона, тонко развитые и подготовленные европейским образованием и русским смиренномудрием к сочувственному наслаждению прекрасным божьим миром. Так путешествуют лучшие русские люди – аристократия ума, кротости чувств

⁵ «Тихо» (итал.).

⁶ Alte Wiese, или Старая Лоука, улица в Карлсбаде.

⁷ Архаическое написание слова *поперек*.

и талантов. Наш поэт стихами, то благоухающими, то колкими, выразил в своей книге весь нравственный мир именно этих привилегированных людей. Жаль только одно: наш поэт несколько длинен в своем творении. По нашему мнению, весь заграничный отдел книги, составляющий добрую сотню страниц, можно бы поместить на каких-нибудь четырех-пяти страничках, в десяти-двенадцати строфах, вроде строф "Евгения Онегина": «[...] Ах, как мы славно, беззаботно / В Карлсбаде, русские, живем, / Так *прозябательно, животно...* / Жизнь льется тихим ручейком. / Проснулся: **мильбрун** пей иль **шпрудель**, / Да и гуляй себе, *как пудель*, / С закатом солнца спать, домой... / С утра опять на *водопой*... / Купаясь в животворной влаге, / Я ощутил такую лень, / Что вдруг стихи отправил в "День". / О чем, бишь?.. кажется, о Праге... / И, чая подкрепленья сил, / В Карлсбаде стал славянофил»; «Ехал из Карлсбада по железной дороге и засмотрелся на комету. Мысль увлекает меня в милый Карлсбад. Любуясь, с одной стороны, на милых карлсбадцев, с другой – на комету, я сочинил даже стихотворение»; «Двум следующим строчкам, вероятно, позавидует сам Бенедиктов: "Где космато золотится / Девы огненной коса"; «Хорошенькая девочка загляделась на комету, и я мысленным оком пытался проникнуть в ребяческие мечты карлсбадянки»; «В Карлсбаде есть памятник Петру Великому. Написал стихи в честь памятника. Знаю, что за это достанется мне в Москве от славянофилов, да что ж делать – не мог утерпеть»; «А что за женщины в Карлсбаде! / И сколько барышень и дам! / Забыв мильбрун, в их каждом взгляде / Я пил целительный бальзам / И назвал их, всех до единой, / "Крылатой русскою дружиной", – / Затем что русские оне, / Вот что всего отрадней мне! / Мадрид, Афины, Вена, Лондон / Все с ними здесь на русский лад: / Все по-французски говорят / Такой уж ими русский тон дан. / Карлсбад, пленительный Карлсбад, / Ты русских женщин вертоград!»; «Отправил к одной русско-карлсбадской даме визитную карточку-портрет при стихах⁸. Стихи велел переписать и отправить для напечатания в Москву, в "Наше время"⁹.

⁸ Ср. реальные обстоятельства, касающиеся адресата письма Вяземского – В.А. Голицыной, урожденной Столыпиной (ок. 1820–1853), сестры невестки поэта: «15 [июня] 1853 г.]. Вчера узнал я о другой печальной смерти. Бедная княгиня Вера Голицына скончалась в Берлине. Когда я из Дрездена послал к ней, перед Светлым Воскресением, свой портрет со стихами, я имел какое-то минутное чувство, что все это дойдет до нее не вовремя. И в самом деле, все это пришло в Берлин, когда она была уже отчаянно больна и, кажется, она ни портрета, ни стихов моих не видала. Давно ли была она в Константинополе в полном цвете здоровья, силы и красоты? Умер в Берлине и наш Русский священник, и к княгине Голицыной приезжал священник из Парижа» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56).

⁹ В гостях и дома. *Размышления по поводу книги: "В дороге и дома"* – собрание стихотворений князя Вяземского // *Искра*. 1862. № 39. С. 509–514; № 40. С. 522–528. См.: *Курочкин В.С.* Стихотворения. Статьи. Фельетоны / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. И.Г. Ямпольского. М., 1957. С. 558, 561–563.

Более тонкие ассоциации – случайные или неслучайные – с карлсбадскими мотивами творчества Вяземского содержатся в пародийном стихотворении «Нового поэта» И.И. Панаева «Far-niente» (1855): «В сельце **Валуевке** он тридцать лет живет, / В известные часы травник **целебный** пьет / И кушает всегда три раза в день исправно / С супругою своей Федосьей Ермолавной. / Он после трапезы курит обыкновенно, / Привычкам следуя лет сорок неизменно; / Зевает, кашляет, сморкается, плюет, / Приподнимается – и опочить идет... // От беспокойных мух прикрыв свой тучный лик, / Он погружается в огромный пуховик / И спит до вечера. И жизнь так льется плавно... / Придет его будить Федосья Ермолавна, / И он поднимется; отекая рукой / Укажет на **стакан с брусничною водой** / И выпьет залпом всё; потом почешет спину / И отправляется лениво на крыльцо, / Чтоб освежить свое заплывшее лицо... / Меж тем на **водопой** пригнали уж скотину, / Уж солнце клонится к закату – и порой / Из саду вдруг пахнет накошенной травой. / Сквозь рощу темную огонь заката блещет, / И каждый лист сквозит и радостно трепещет...»¹⁰. Как известно, зятем Вяземского являлся граф, государственный деятель, литератор П.А. Валуев (1815–1890)¹¹, навещавший супругов Вяземских вместе с дочерью в Карлсбаде¹².

Между тем у Вяземского как певца заграничной курортной жизни было немало предшественников и адептов среди современников, включая весьма именитых, например: «Ищи в чужом краю здоровья и свободы, / Но Север забывать грешно, / Так слушай: поспешай **карлсбадские пить воды**, / Чтоб с нами снова пить вино» (А.С. Пушкин. Н.Д. Киселеву. 1828); «Или спешишь в **Карлсбад** здоровье освежать / **Бездельем**, воздухом, движеньем?» (Н.М. Языков. П.В. Киреевскому. 1835). Встречались, впрочем, и ироничные поэтические высказывания, помимо упоминавшихся ранее, например: «Но весь куш, что спрятан мной на путь возвратный, / Сбуду на дороге я в игре азартной / Немцам – и пешочком поплетусь к **Карлсбаду**: / Там, изнеможенный, прямо в **ванну** сяду / И, усевшись в ванну, в сильном нетерпеньи / Буду ждать доходов с моего имения» (Б.Н. Алмазов. Турист. 1859); «Двести лет тому назад / Соизволил

¹⁰ Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и общая редакция Б.Я. Бухштаба; сост., подгот. текста, биогр. справки и прим. Э.М. Шнейдермана. Л., 1972. С. 375–376.

¹¹ См., в частности: *Баскаков В.Н.* Валуев Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. слов. Т. 1. М., 1989. С. 387–389.

¹² См. в записной книжке Вяземского (июль 1853 г.): «Во все эти дни, т.е. до нынешнего 8 числа, ничего особенного не было, кроме приезда Лизы Валуевой с отцом. Пробыв с нами двое суток, отправился он обратно в свое Митавское воеводство. Много чувств и грустных воспоминаний возбудило во мне свидание с ними [...]» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 64).

царь родиться... / Раз, приехавши в **Карлсбад**, / Вздумал **шпруделя** / напиться» (А.Н. Апухтин. По поводу юбилея Петра Первого. 1872); «От взора твоего пусть киснет шоколад, / Пусть меркнет день, **пусть** / **околеет пудель**, / Мы молим об одном — не ездят ты в **Карлсбад** — / Боимся убо мы, чтоб не иссякнул **шпрудель**» (А.Н. Апухтин. Молитва больных. 1872); «Как-то раз пред сонмом важным / Всех Богемских гор / Был со **Шпруделем** отважным / У **Мюльбрунна** спор» (А.Н. Апухтин. Спор. 1872). Не прошла мимо карлсбадского «хронотопа» и М.И. Цветаева: «— В Москву! — В **Карлсбад!** — / У меня оседает **зад**» («Крысолов», 1925).

3

Одно из примечательных произведений, связанных с Карлсбадом как знаковым местом, где культивировались *dolce vita* и *far niente*, — шутивное стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...», авторство которого с некоторых пор нуждается в обосновании и комментариях.

В 1880 г. чиновник Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского, а по совместительству историк и библиограф, Н.Н. Голицын (1836–1893) издал собрание материалов о роде Голицыных, где упомянул в числе дилетантских сочинений своего тестя¹³ князя А.С. Голицына (1789–1858) стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...» (1853), «авторграф которого находится в Императ. Публич. Б-ке. (Отчет ее за 1870 г., СПб., стр. 134)»¹⁴ и процитировал его:

Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем!
 Ложимся с Польками и с Польками встаем,
 И спозаранку пьем горячие напитки.
 Долой заботы все и умственные пытки!
 Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз,
 В различных образцах народы и сословья, —
 Все ищут одного: здоровья да здоровья!
 У нас одно в виду и занимает нас:
 Мы лазим *по горам*, чтобы *сходить на низ*,
 Мы ходим *три часа*, чтоб раз *сходить на час!*

А.С. Голицын являлся одним из младших сыновей воспетых Державиным в стихотворении «Осень во время осады Очакова» (1788) вельможи екатерининского времени С. Ф. Голицына и его

¹³ Автор был женат на Евгении Александровне Голицыной (1852–1919), одной из дочерей А.С. Голицына от второго брака. См.: История родов русского дворянства: В 2 т. / Сост. П.Н. Петров. СПб., 1885. Т. 1. С. 191.

¹⁴ Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. Киев, 1880. С. 143–144.

жены, был внучатым племянником по материнской линии Г.А. Потемкина и воспитанником И.А. Крылова, был знаком, в частности, с А.С. Пушкиным, К.Ф. Рылеевым, С. А. Соболевским. По словам Н.Н. Голицына, дружеские отношения связывали его с Вяземским: «В бумагах князя А.С. нами найден редкий литографированный портрет князя П.А. Вяземского [...] с следующею подписью: “Витцлебен, чудно здесь твой смелый карандаш / Природу превзошел ей в подражаньи близком. / За старый подлинник и пфеннига не дашь, / А все любятся твоим удачным списком. // Дрезден. Март 1853. К. Вяземский”»¹⁵; «Подписано: На память о нашей старине К[нязю] Александру Голицыну. Карлсбад. 6 (18) июля 1853 [...]»¹⁶.

Действительно, Вяземский и Голицын были знакомы, по крайней мере, с 1818 г., когда оба служили в Варшаве. В своих записках первый вспоминал:

Заклучим длинную нашу застольную хронику рассказом о столовом приключении, которое могло кончиться и трагически и комически. Однажды проезжал из-за границы в Россию чрез Варшаву Петр Михайлович Лунин. С начала столетия и ранее был он очень известен обществам Петербургскому и Московскому. Его любили, а часто и забавлялись слабостями его. В числе их была страсть вышивать основу рассказов своих разными фантастическими красками и несбыточными узорами. Но все это было безобидно. Давно знакомый с Н.Н. Новосильцовым¹⁷, Лунин заехал к нему. Тот пригласил его на обед. “Охотно, отвечал Лунин, но под одним условием: со мною ездит приятель мой и дядька (Лунин былъ тогда уже очень стар), позволь мне и его привезти”. Оказалось, что это был старый французский повар, кажется по имени Aimé, который долго практиковался в Петербурге и не без достоинства. Новосильцов посмеялся при такой странной просьбе; но, разумеется, согласился на нее. За обедом было только несколько Русских, в числе их **Александр Сергеевич Голицын** (один из младших сыновей известного князя Сергея Федоровича), полковник гвардейского

¹⁵ См. также: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 27. В примечании говорится: «Факсимиле этого стихотворения было помещено под портретом Автора, писанном Витцлебеном и приложенном к X тому *Полного Собрания его Сочинений*. Под стихотворением означено: “Дрезден, март, 1853 г.” Впервые оно было напечатано в *Гражданине*, 1878, № 35, стр. 619» (С. 464).

¹⁶ Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных... С. 144. Этот портрет с факсимильным воспроизведением автографа стихотворения поэта открывает 10-й том «Полного собрания сочинений» Вяземского.

¹⁷ Н.Н. Новосильцев (1761–1838), в 1813–1815 гг. вице-президент временного совета, управляющего Варшавским герцогством, позже представитель Александра I при совете, управляющем Царством Польским, с 1821 г. советник наместника Царства Польского и доверенное лицо великого князя Константина Павловича.

уланского полка. По волосам слыл он *рыжим Голицыным*. Он был любим в Варшаве и Поляками, и земляками. Отличался он некоторым Русским удалством и остроумием, мог много выпить, но никогда не напивался; а только, по словам *дорогих собутельников* видно было, как пар подымается из рыжей головы его. Этот Голицын за обедом у Новосильцова отпустил какую-то шутку, направленную на Людовика XVIII-го. Это происходило в первые года реставрации. Сотрапезник-повар встает со стула и громко говорит: „Тот негодяй (так переводим мы крепкое французское выражение, употребленное поваром), кто осмеливается оскорбить священную особу короля. Я готов подтвердить слова свои, где и как угодно. Не первую рану получу я за короля своего”. И тут же снимает он свой фрак, засучивает рукав рубашки и указывает на руку. Была ли получена эта рана от кухонного ножа или от шпаги, в достоверности неизвестно; но вызов был сделан в формальном порядке. Можно вообразить себе общее удивление и смущение. Голицын принимает вызов. Много стоило труда Новосильцову и некоторым из присутствующих, чтобы умирить эту бурю и уладить дело без кровопролития. Нечего и говорить, как много было бы несообразного и дикого в поединке русского князя, русского полковника с французским кухмистером. Вначале было не до смеха; но после много и долго смеялись этой застольной стычке¹⁸.

В 1830 г. и, вероятно, позже Вяземский и Голицын обменивались письмами, причем на французском языке¹⁹.

Еще одно упоминание Вяземским о старинном приятеле содержится в дневниковых записях 1853 г., касающихся пребывания в Карлсбаде: «18 [июня]. [...] Вечером на Wiese музыка праздновала приезд князя Эстергази, бывшего посла в Лондоне. Приехал также граф Красинский, варшавская развалина, и **рыжий Голицын**, тоже обломок прежнего варшавского житья»²⁰.

Вернемся, однако, к указанию Н.Н. Голицына на авторство А.С. Голицына в отношении стихотворения «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...». Свидетельства такого рода ненадежны; даже опытные литературоведы могут принимать на веру ошибочные представления родственников писателей о принадлежащих им произведениях, обнаруживаемых в домашних архивах в виде списков, – что произошло, например, с С.А. Венгеровым, приписавшим популярное анонимное стихотворение времен Крымской войны

¹⁸ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 376–377.

¹⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 358–360. См. также письмо А.С. Голицына к П.П. Вяземскому от 28.XII.1846 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4138).

²⁰ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 57.

малоизвестному поэту В.П. Алферьеву (1823–1854) на основе информации жены последнего²¹.

Вполне естественно, что новейший биограф писателя А.С. Голицына опиралась на сведения Н.Н. Голицына, конкретизировав их: «Из многочисленных стихов [А.С. Голицына] “на случай” известно “Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем” (1853), записанное на обложке изданного в Дрездене в том же году стих. Вяземского “Масленица на чужой стороне” (экз. хранится в ГПБ) и представляющего собой своеобразную сниженную параллель последнего»²². Заметим, что само по себе указание, что некто записал в *чужой*, подаренной ему книге какое-то стихотворение, скорее свидетельствует в пользу принадлежности подобного текста титульному автору. Но в данном случае для этого вывода есть и более серьезные аргументы!

Интересующее нас стихотворение обнаруживается в текстах «карлсбадской» записной книжки Вяземского, опубликованных в «Полном собрании сочинений» («Книжка 17» по нумерации издателей) с купюрами, в частности, было целиком опущено и стихотворение, вследствие чего оно и осталось архивным «артефактом», – на что в свое время обратил внимание славист Л.С. Кишкин: «В записной книжке за 1853 год запись от 4 июля, воспроизводящая текст письма к Толстому²³, прерывается шуточным стихотворением о жизни в Карлсбаде²⁴. Оно не публиковалось, поэт, видимо, сознавал его несовершенство. Однако это стихотворение в какой-то мере воспроизводит жизнь и быт чешского курорта, окружавшую Вяземского обстановку, его настроение. Поэтому кажется уместным привести его [...]»²⁵.

²¹ Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.

²² Дмитриева-Маймина Е.Е. Голицын Александр Сергеевич // Русские писатели... Т. 1. С. 606.

²³ О ком идет речь, Л.С. Кишкин не комментирует. Я.Н. Толстой (1791–1867) – литератор, эмигрант, живший в Париже, давний знакомый Вяземского.

²⁴ Ср.: «Здесь не до чтения. Здесь надобно жить жизнью животного, а не умышленно. [Опущенный текст стихотворения!] Со всем тем Цареградские дела и нас озабочивают, и ждем с нетерпением развязки крупного вопроса. [...] В бытность мою в Париже, я видел в канцелярии посольства маленькую французскую брошюру о *Святых Местах*, писанную, помнится, духовным лицом в нашу пользу. Нельзя ли мне прислать ее? У меня также чешется рука написать что-нибудь об этом, в ответ на брошюрку Пужула. Скоро кончу свой водопой и тогда принялся бы я за работу. [...] Здесь бывший ваш посол граф Пален, и брат его космополит, и много других русских. Погода не очень нас балует, но мы не унываем и пьем да гуляем во всю Ивановскую» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 58–59).

²⁵ Кишкин Л.С. П.А. Вяземский и Чехия. С. 121.

Как видим, автор статьи ошибся, полагая, что данное стихотворение не печаталось ранее, но верно определил его статус как поэтической вставки в письмо Вяземского – абсолютно органичной, развивающей прозаический зачин письма²⁶. Исследователь, заметим, процитировал этот текст по архивному источнику с существенными неточностями²⁷. И не увидел в «шуточном стихотворении» ничего предосудительного, кроме эстетического «несовершенства»... Как, кстати говоря, и Н.Н. Голицын, упомянувший, впрочем, о некоторой фривольности других сочинений А.С. Голицына.

4

Стихотворение, однако, содержит нескромные каламбурные подтексты, характерные для поэтики Вяземского, – вследствие чего, можно полагать, и не вошло в состав публикации «записной книжки».

Во-первых, это двусмысленность слова *полька*, так как в середине XIX в. оно стало употребляться и в значении модного светского танца с соответствующим музыкальным оформлением, – судя по всему, являвшемся регулярным сопровождением массовых утренних карлсбадских лечебных мероприятий (см. ниже воспоминания А.А. Фета)²⁸. Ср., например: «Театр не тот уж вовсе стал – / И декораций переменной / Он обращен в громадный зал, / И отовсюду облит светом, / И самый пол его простой, / Хоть не совсем глядит паркетом, / Но всё же легкою ногой / По нем скользить, хоть в **польке** шумной, / Сумеют дамы...» (А.А. Григорьев. Встреча. 1846); «Порою салонный блеск, мазурка, **полька**, слезы, / Порою мрачный грот и томная луна...» (И.И. Панаев. «Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...». 1847); «Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! **Польку** станем танцевать» (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся. 1849); «Но, в **польке** мерно стучая ногами, / Куда глядит так пристально она?» (Е.П. Ростопчина. Цирк девятнадцатого века. 1850); «Гуляющие любовались морем и слушали прекрасную музыку. [...] Я остановился послушать знакомые мотивы из опер

²⁶ См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1122. Л. 34–36 об.

²⁷ «Здесь принц, торгош, [барон!], ремесленник, маркиз»; «В различных образах [?] народы и сословья»; «Мы ходим три часа, чтобы [?] сходить на час».

²⁸ «Живой и простой по форме, этот танец получил в начале 19 в. широкую популярность в Словакии, Сербии, Венгрии, Австрии; в 40-х гг. распространился по всей Европе как бальный танец» (Энциклопедический музыкальный словарь / Сост.: Б.С. Штейнпресс, И.М. Ямпольский. М., 1959. С. 212). Ср. также: «...один из наиболее популярных нац. чешских танцев. [...] З. Неудлы предполагает, что слово "полька" означает "польская" [...]. Согласно др. точке зрения, название происходит от чеш. *půlka* – "полшага"» (Ляхова Т.Л. Полька // Музыкальная энциклопедия: [В 6 т.]. М., 1979. Т. 4. Стб. 371).

и незнакомые **польки**, мазурки» (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855); «Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и **польки**, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи» (К.С. Аксаков. Опыт синонимов. Публика – народ. 1857). Уже в эти годы данные лексические омонимы начинают парадоксально совмещаться: «Жена любила все обряды / Великолепных светских дам, / Днем покупала всё наряды, / Скиталась ночью по балам. / Сперва ее пленила **полька**, / Потом подъехал знатный грек... / Что ж было делать?.. / Плюнул только, / Как благородный человек» (Ф.А. Кони. Биография благородного человека. 1848).

Поводом для поэтического каламбура Вяземского могли быть не только варшавские воспоминания, но и, например, польские корни первой и второй жен А.С. Голицына – Каролины Станиславовны Ходкевич, урожденной Валеvской (1778–1846) и Элеоноры Осиповны Заржицкой (1823–1895)²⁹, карлсбадское окружение обоих. Ср.: «23 [июня 1853 г.] Приехала из **Варшавы** m-me Сухозанет с своею красавицею племянницею»³⁰. Каламбурная игра слов основана и на выражении *вставать/ложиться с петухами*³¹, поговорке *с курами ложиться, вставать с петухами*. См. также в стихотворении «Очерки Карлсбада»: «Рано ляжешь, встанешь рано / И пойдешь на водопой».

Спровоцировать Вяземского на ритуальное для него острословие могла и память об игривом, тоже со стихотворной вставкой, письме А.С. Пушкина к нему (около 7 ноября 1825 г.), лишь однажды употребившего в своих текстах лексему *полька*³²: «В глуши, измучась жизнью постной, / Изнемогая животом, / Я не парю – сию орлом / И болен праздностью поносной. // Бумаги берегу запас, / Натугу вдохновенья чуждый, / Хожу я редко на Парнас / И только за большою нуждой. // Но твой затейливый навоз / Приятно мне щекотит нос: / Хвостова он напоминает, / Отца зубастых голубей, / И дух мой снова позывает / Ко испражненью прежних дней»; «Благодарствую, душа моя, и целую тебя в твою поэтическую [- - -] – с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой

²⁹ См.: Русский биографический словарь: [Доп. материалы] / Сост. М.П. Лепехин. Т. «Гоголь – Гюне». М., 1997. С. 137.

³⁰ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 60.

³¹ Ср., напр.: «...Теперь не празднуем мы, – / Богаты важными трудами, / Не долго спим порою тьмы, / Встаем поутру с петухами...» (Н.М. Языков. К В[ульф]у, Т[ютчев]у и Ш[епелев]у. 1826).

³² См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 3. М., 1959. С. 523.

пиитике басен и при посвящении [-----] [-----] твоего»; «Трагедия моя кончена; я перечел ее в слух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын! Юродивый мой, малой презабавный; на Марину у тебя [-----] – ибо она **полька**, и собою презиридна [...]»³³.

Во-вторых, скатологические, низовые ассоциации, присутствующие в процитированном письме Пушкина, напрашиваются и в стихотворении Вяземского: «Мы лазим *по горам*, чтобы *сходить на низ*, / Мы ходим *три часа*, чтоб раз *сходить на час!*», – с намеками на пищеварительные и выделительные функции организмов карлсбадских «туристов», активировавшиеся или, наоборот, затормозившиеся в результате сильнодействующих «водных» процедур, на затяжные коллективные пешеходные путешествия в условиях длительного «воздержания» от естественных потребностей человека («Ноги и желудок **бродят**»). Ср., например, следующую ироническую ремарку Вяземского: «13 [мая 1853 г.]. Хотя на водах и запрещено заниматься делами, но всё не худо иметь всегда при себе в кармане *нужные бумаги*. Эта глупость напоминает мне анекдот Крылова, им самим мне рассказанный. Он гулял или, вероятнее, сидел на лавочке в Летнем саду. Вдруг ... его. Он в карман, а бумаги нет. Есть где укрыться, а нет, чем ... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается: „Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?“ – Есть, вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное мое стихотворение, и дает ему листок. „Не скупитесь, граф, и дайте мне 2–3 экземпляра“. Обрадованный такою неожиданной жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов с своею добычею спешит за своим делом»³⁴.

Еще один провоцирующий каламбур в стихотворении связан с двуплановостью словосочетания «горячие напитки», имитирующего в контексте «разгульного житья» *горячительные* напитки и злоупотребление ими *спозаранку* до вечера; юмор основан на высокой температуре целебных термальных источников Карлсбада. При этом «более горячие источники назначаются людям с повышенной кислотностью и имеющим синдром **раздраженного кишечника**. Источники с более низкой температурой подходят людям с пониженной кислотностью и **страдающим запорами**»; «Источник № 1 "Гейзер" (72° С) – назначается для лечения ЖКТ. В Гейзерной колоннаде есть термальная минеральная вода температурой 30° С и 41° С – она

³³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1996. Т. 13. С. 239–240.

³⁴ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 46–47.

оказывает **слабительный эффект**, 72° С – оказывает **скрепляющий эффект**, 57° С – **универсального действия**»; «Источник № 8 “Князя Вацлава II” (58 С) содержит большое количество глауберовой соли, оказывает на ЖКТ **слабительный эффект**»³⁵, – что связано с вышеуказанными подтекстами стихотворения Вяземского.

Вместе с тем сочинение Вяземского отличается относительно точными деталями, подтверждаемыми дневниковыми записями, – в отношении распорядка дня, прогулок, социально-сословного колорита карлсбадской публики: «Карлсбад, 12 мая 1853 г. [...] Я встал в 6 часов. В 6½ был на водах и ходил там до 8-ми. После отправился на Hirschensprung³⁶. На дороге где-то вырезано на камне: „*plutôt être, que paraître*”. По-русски можно так перевести этот девиз: „не слыть, а быть”»³⁷; «16 [мая 1853 г.]. Вечером ходили через горы за Hammer. Дорогою разговорился я с **плотником**, который живет в деревне, за час от Карлсбада, и каждый день оттуда отправляется в 5 часов утра, а в 7 к себе возвращается. Зарабатывает он в день 40 кр., из которых он 3 крейц. платит **подрядчику**»; «10 [июня 1853 г.]. Утром был у **баронессы** Stolzenberg, морганатической супруги **принца** Wilhelm von Anhalt-Dessau»; «19 [июня 1853 г.]. Приехала из Петербурга **маркиза** Castelbajas»³⁸. Он подтрунивает и над социально-терапевтическим расстройством лечащихся, и над собой: «15 [июня 1853 г.]. Человеческое тщеславие всюду прокрадывается: я замечаю, что многие, которые пьют **Sprudel**, гордятся пред нами, смиренно пьющими **Schlossbrunn**»³⁹; «24 [июня 1853 г.]. Может быть, я уже **перепил**. Костя Булгаков заболел, говорил о себе: я уже не человек, а **перепел**»⁴⁰.

Приведем также любопытное свидетельство о карлсбадской жизни другого видного поэта – А.А. Фета, относящееся к тому же времени:

С раннего утра все на ногах. В пять часов у любого источника можете убедиться, что есть сотни людей, более вас хлопочущих

³⁵ Источники в Карловых Варах // <https://www.sanatoriums.com/ru/karlovy-vary/istochniki>.

³⁶ Скала «Олений прыжок» (нем.), ср. *Елений скок* (чеш.) – по названию скульптуры горной серны (лани), установленной в 1851 г.

³⁷ См. стихотворение «Plutôt être que paraître» («Не слыть, а быть. Но в свете часто...»), 1853) – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36–37.

³⁸ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 46, 48–49, 55, 57.

³⁹ «Главнейшие источники: 1) **Шпрудель** (Sprudel), бьющий над поверхностью бассейна фонтаном горячей струи в 73° и дающий в сутки 25.000 гл воды с 14.000 кг растворенной соли. [...] 2) **Шлосбруннен** (Schloss-brunnen). [...]» (*Гольдфайль Л.* Карлсбад // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Н.А. Семашко. М., 1930. Т. 12. Стб. 371–372).

⁴⁰ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 56, 60.

о восстановлении утраченного здоровья. [...] Теплых ключей в **Карлсбаде** много, но главных, при которых выстроены галереи, четыре: Шлосс-брунн, Ней-брунн, Мюл-брунн и наконец перл и гордость Карлсбада – Шпрудель. В продолжение пятидневного лечения больных заставляют обыкновенно перепробовать все температуры теплой воды, начиная со **Шлосс-брунна**, едва ли превышающего теплотой парное молоко, до **Шпруделя**, доходящего до шестидесяти градусов жару, который надо изловчиться пить, не обжигая рта. В первые дни вода ужасно противна, но потом привыкаешь. Утром, с шести до семи часов, в двух галереях – у Ней-брунна и Шпруделя **играют оркестры Лабикского**⁴¹, и, должно отдать полную справедливость, играют прекрасно. После восьми музыка умолкает, толпы гуляющих редуют у источников, цветочницы уносят нераспроданные букеты, и редко-редко какой-нибудь запоздавший пациент, морщась, давится горячею водою.

(А.А. Фет. Из-за границы: Путевые впечатления. 1856)⁴²

5

Нам удалось выявить еще два списка этого стихотворения, также с указанием на авторство Вяземского⁴³. Особенно интересен второй из них, являющийся запиской Вяземского, адресованной М.Ю. Виельгорскому (1788–1856), которому он посвятил в те же годы послание «Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому. В день рождения»⁴⁴ и о котором упоминал в дневниковой записи 29 октября 1853 г. в Венеции⁴⁵. В записке говорилось: «Графу Виельгорскому в собственные руки по секрету. La mère en défend la lecture à sa fille, et en demoiselle d'honneur – en gèneral»⁴⁶, а на обратной стороне было записано с некоторыми разночтениями уже известное нам стихотворение, причем с чьим-то указанием на перестановку одной из строк:

Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем:
Ложимся с полками и с полками встаем,
И спозаранку пьем горячие напитки.
Долой заботы все и умственные пытки!

⁴¹ Й. Лабикский (1802–1801), чешский дирижер и композитор.

⁴² Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. С. 39.

⁴³ РГБ. Ф. 103 (П.Я. Чаадаев, М.И. Жихарев (двоюродный племянник и наследник архива П.Я. Чаадаева)). К. 1034. Ед. хр. 4. Л. 1–1 об.; ИРЛИ. Ф. 50 (Виельгорские). Ед. хр. 214. Л. 1–1 об.

⁴⁴ См.: Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 222–223.

⁴⁵ «Всегда повязан был огромным галстухом, вероятно, в роде приятеля нашего Виельгорского» (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 76).

⁴⁶ Условно эту французскую фразу, являющуюся, вероятно, перифразой какого-то афоризма, можно вольно интерпретировать так: «С матерью – про книжки, с подругой – про интрижки».

Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз, (6)
В различных образцах народы и сословья,
Все ищут одного: здоровья да здоровья.
У нас одно в виду и занимает нас:
Мы лазим по горам, чтобы сходить на низ, (5)
Мы ходим три часа, чтоб раз сходить на час.

Карлсбад 1853.

Формально указание на изменение в порядке следования строк соответствует их идеальной парной рифмовке и делает стихотворение внешне более стройным. Однако в этом случае нарушается его смысловая структура: «Мы лазим по горам, чтобы сходить на низ, (5) / Здесь принц, торгаш, барон, ремесленник, маркиз, (6), / [...] / У нас одно в виду и занимает нас: / Мы ходим три часа, чтоб раз сходить на час». Нарушается и изящный параллелизм *пространства* и *времени* в заключительных строках, а также фигура единоначатия. Перед нами пример диалектического преодоления консервативных законов *формы* парадоксальным диктатом *содержания*. «Рифмовка» смыслов, лексических и синтаксических элементов оказывается не менее важной, чем классическая парная рифма. Можно предположить, что сам поэт возвращался мысленно к доработке шуточного сочинения, но предпочел оставить данный текст в первоизданном виде.

Сделаем выводы. Стихотворение «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...» вышло из-под пера П.А. Вяземского, о чем свидетельствует письмо поэта к Я.Н. Толстому; оно органично вписывается в контекст биографии и творчества автора. Произведение распространялось, вследствие своей каламбурной фривольности, исключительно в дружеском, мужском окружении писателя (А.С. Голицын, Я.Н. Толстой, М.Ю. Виельгорский, П.Я. Чаадаев). Список этого сочинения сохранился, в частности, на обложке оттиска стихотворения Вяземского «Масленица на чужой стороне» (Dresden, 1853), подаренного им А.С. Голицыну, что подвигло родственников последнего приписать поэтические шалости одного князя другому.

Литература

Баскаков В.Н. Валуев Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 387–389.

Бондаренко В.В. Вяземский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2014. 680 с. (ЖЗЛ)

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.

Вяземский П.А. Неизвестный и забытый: (Из поэтического наследия) / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Д.М. Климова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 624 с.

Дмитриева-Маймина Е.Е. Голицын Александр Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 606–607.

Кишкин Л.С. П.А. Вяземский и Чехия // Славянские страны и русская литература. Л.: Наука, 1973. С. 103–126.

Кишкин Л.С. Чешские мотивы в русской литературе // Литературные связи славянских народов: исследования, публикации, библиография. Л.: Наука, 1988. С. 58–79.

Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения. М.: Наука, 1983. 368 с.

Ляхова Т.Л. Польша // Музыкальная энциклопедия: [В 6 т.] / Гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 4. Стб. 371.

Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Б.Я. Бухштаба; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Э.М. Шнейдермана. Л.: Советский писатель, 1972. 541 с.

Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Подгот. текстов и коммент. И.С. Абрамовской, Н.П. Генераловой, В.А. Кошелева. СПб.: Фолио-Пресс – Атон, 2007. Т. 4. 555 с.

References

Baskakov V.N. Valuev Petr Aleksandrovich. *Russkie pisatel'i. 1800–1917: Biographicheskii slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia Entsiclopedia Publ., 1989, pp. 387–389. (In Russ.)

Bondarenko V.V. *Vyazemskiy*, 2nd ed. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2014. 680 p. (In Russ.)

Dmitrieva-Maimina E.E. Aleksandr Sergeevich Golitsyn. *Russkie pisatel'i. 1800–1917: Biographicheskii slovar'*. [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia Entsiclopedia Publ., 1989, pp. 606–607. (In Russ.)

Fet A.A. *Sochinenia i pis'ma* [Works and Letters], in 20 vols., eds. I.S. Abramovskaia, N.P. Generalova, V.A. Koshelev. St. Petersburg, Folio-Press Publ., Aton Publ., 2007. Vol. 4. 555 p. (In Russ.)

Kishkin L.S. Cheshskie motivy v russkoi literature [Czech motives in Russian literature]. *Literaturnye sv'azi slav'anskih narodov: issledovaniia, publikatsii, bibliografiia* [Literary connections of Slavonic peoples: Studies, publications, bibliography]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 58–79. (In Russ.)

Kishkin L.S. P.A. Viazemsky i Chekhiiia [P.A. Viazemsky and Czechia]. *Slav'anskie strany i russkaia literature* [Slavonic countries and Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 103–126. (In Russ.)

Kishkin L.S. *Cheshsko-russkie literaturnye i kulturno-istoricheskie kontakty* [Czech-Russian literary, cultural, and historical contacts]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 368 p. (In Russ.)

L'ahova T.L. Polka. *Muzykal'naia entsiklopediia* [Encyclopedia of music], in 6 vols., ed. Ju.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1979. Vol. 4, pp. 371. (In Russ.)

Poety 1840–1850 godov [Poets of the 1840–1850s], eds. B.Ja. Buhstap, E.M. Shneiderman. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1972. 541 p. (In Russ.)

Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stihotvoreniiia “Na nyneshn'uiu voinu” (“Vot, v voinstvennom azarte, vovoda Pal'merston...”) [On the authorship of the anonymous poem “On the Present-day War” (“Here is the Belligerent Commander Palmerston...”)]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 1, pp. 133–145. (In Russ.)

Viazemsky P.A. *Neizvestnyi i zabytyi: Iz poeticheskogo naslediia* [Unknown and forgotten: From his poetic legacy], eds. P.R. Zaborov, D.M. Klimova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013. 624 p. (In Russ.)

On the authorship of the poem “Our Rampant Lifestyle in Karlsbad...”, or the “Karlsbad text” in Russian poetry

Nikolay L. Vasilyev, Dmitriy N. Zhatkin

Abstract: The paper deals with the authorship of the anonymous poem “Razgul'noie zhit'io v Karlsbade my ved'om...” that had been circulating in manuscript copies, and supports the assumption that this poetic joke was created by P.A. Vyazemsky – the hypothesis that is being confirmed by some new archival data. The paper dwells at some length on the details of creation and circulation of the poem, its punning implications and overtones and illustrates cultural background and polemical context of the specific “Karlsbad text” in Russian poetry.

Keywords: Karlsbad, Russian poetry, P.A. Vyazemsky, A.S. Golitsyn, M.Yu. Vielgorsky

Information about the authors: Nikolay L. Vasilyev, Doctor Hab. of philology, Professor, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: nikolai_vasilyev@mail.ru

Dmitriy N. Zhatkin, Doctor Hab. of Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia. E-mail: ivb40@yandex.ru